

ДИ ЯОГУАНГ, Л.А. КИСЕЛЁВА
(Уфа)

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
СИМВОЛИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ
ЧИСЛОВОГО КОДА КУЛЬТУРЫ
В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКАХ (на материале
фразеологизмов с компонентами
два – 无 и пять – 五)**

Рассматриваются особенности образной семантики русских и китайских фразеологизмов с компонентами два – 无 и пять – 五. Внутренняя форма данных ФЕ в двух языках обнаруживает больше различий, чем сходств, что обусловлено этнокультурными факторами, прежде всего, спецификой символизации числового кода в ходе познания мира. Числительные 无 и 五 в китайском языке обладают большим фразеобразующим потенциалом, чем их соответствия в русском языке.

Ключевые слова: нумеративные фразеологизмы, числовой код, символика, образная семантика, русский язык, китайский язык.

В последние годы все более востребованными становятся контрастивные исследования в области фразеологии, которые проводятся на материале как родственных, так и неродственных языков. Рост этого интереса объясняется тем, что фразеологизмы демонстрируют высокую степень этнокультурной обусловленности семантики, в экспрессивной форме воспроизводя ценностные ориентиры, стереотипы, жизненные установки и т. д., имеющие большую значимость для представителей того или иного социума. При этом весьма актуальным является исследование фразеологических фондов неродственных / неблизкородственных разноструктурных языков, поскольку его результаты позволяют выявить как общность, так и различие стратегий образного восприятия реалий мира их носителями. В свою очередь, это может способствовать решению ряда дискуссионных вопросов не только контрастивной лингвистики, но и других направлений, например универсологии (выявление и систематизирующее описание универсалий / фреквенталий в области фразеологической семантики), сопоставительной лингвокультурологии (общие и специфические компонен-

ты образной семантики фразеологизмов, обусловленные особенностями языковой картины мира разных этносов; выработка адекватной процедуры лингвокультурологического анализа фразеологических фондов двух и более языков), когнитивной лингвистики (сходства и различия ассоциативных механизмов, определяющих направления образного моделирования действительности в разных языках; специфика метафоризации значения в процессе фразеобразования) и т. д.

В данной работе мы хотели бы сосредоточить свое внимание на сопоставительном лингвокультурологическом анализе русских и китайских нумеративных фразеологизмов с компонентами два – 无 и пять – 五 (материал для анализа извлечен нами из следующих лексикографических источников: [1; 4; 7; 11–14]). Рассматриваемые единицы характеризуются семантическим богатством, отражая специфику образного моделирования основополагающих категорий бытия, одной из которых выступает количество. Заметим, что в сопоставительном плане фразеологизмы с числовым компонентом исследовались в основном на материале индоевропейских языков [2; 5; 10 и др.], тогда как работ, в которых комплексно рассматриваются сходства и различия данных единиц в русском и китайском языках, не так много [3; 8; 9 и др.]. Для исследования русских и китайских нумеративных ФЕ нами используется описательный метод, одним из приемов которого является анализ внутренней формы, предполагающий выявление интегральных и дифференциальных компонентов их образной семантики, обусловленных сходствами и различиями символических смыслов числового кода в рамках указанных лингвокультур. Так, среди русских фразеологизмов с компонентом-числительным *два* можно условно выделить четыре группы.

1. В основе образной семантики первой группы ФЕ лежит метафора, уподобляющая «бесспорность происходящего элементарной аксиоме арифметики, известной каждому человеку, независимо от уровня образованности» [1, с. 302]. Такие фразеологизмы в целом служат эталоном (мерой) ясности происходящего, его очевидности (*как дважды два <четыре>*), быстроты доказательства, объяснения чего-либо (*как дважды два*), простоты, легкости совершения какого-либо дела, свершения события (*[как] дважды два, в два счета*) [Там же, с. 302–303].

2. Внутренняя форма других фразеологизмов связана с метафорой, которая в образной форме указывает на промежуточное положение субъекта: *сидеть между двух стульев, на два фронта, ни два ни полтора, гоняться за двумя зайцами*.

3. Образная семантика еще одной группы фразеологизмов отражает представления о тождестве предметов (*два сапога пара, как две капли воды*: в данном случае капля выступает «в роли эталона полной идентичности, “одинаковости”» [1, с. 303]).

4. Числительные *два* и *оба* как компоненты фразеологизмов актуализируют символические смыслы, связанные с репрезентацией знаний о небольшом количестве, мере (*от горшка два вершка, на два слова, не мочь связать двух слов, в двух шагах*), а также интенсивности проявления признака, действия (*о двух головах, драть две (три) шкуры, класть на (обе) лопатки, смотри (гляди) в оба, смотреть (глядеть) в оба, уписывать (уплетать) за обе щеки, хромать на обе ноги* и др.).

У числа два в китайской культуре иное символическое наполнение: 双 (shuang) = *пара*. Два – символ соединения и взаимной дополнителности. Согласно даосской философской доктрине, два – это священный союз мужского и женского, который гарантирует продолжение жизни, солнце и луна, свет и тьма, белое и черное, две энергии (ян и инь), равновесие которых обеспечивает здоровье. Кроме того, число два выражает важный культурный смысл, касающийся представлений о гармонии и любви: «Не удивительно, что именно число *два* в порождаемых им фразеологизмах эксплуатируется для выражения межличностных отношений – единства и борьбы двух противоположностей – инь и ян» [6, с. 81]. Речь идет о таких сочетаниях, как, например, 两虎相斗 (lianghuxiangdou) – букв. ‘два тигра борются друг с другом, значит, один погибнет’. Заметим также, что числительное 无 («два») как компонент китайских фразеологизмов довольно часто через отрицание обозначает исключительность: 贵贱无二 (guijianwuer) – букв. ‘к богатым и бедным нет второго отношения’ (в знач. «одинаково относиться к богатым и бедным»); 说一不二 (shuo yibuer) – ‘сказано один, значит, не два’ (в значении «а) твердо держать свое слово, быть верным своему слову, не менять данного слова, как сказал – так и будет; б) давать полное согласие, полностью соглашаться на просьбу, требование»); 有一无二 (youyiwuer) – букв. ‘имеется один, два нет’

(«исключительный»); 家无二主 (jiawuerzhu) – ‘в семье не бывает двух хозяев’ («в группе только один ведущий, руководитель»), 国无二君 (guowuerjun) – ‘в стране не бывает двух императоров’.

Как свидетельствуют примеры, наиболее важная интегральная сема в значении русских и китайских фразеологизмов, включающих в качестве компонента числительное *два* – 无, может быть сформулирована следующим образом: «положение дел представляется лицу бесспорным, очевидным, простым». В остальных случаях наблюдаются различия в восприятии числа два носителями анализируемых языков, обусловленные их соотносительностью с разными кодами культуры, что находит соответствующее отражение во фразеологической картине мира.

Что касается символических смыслов числа пять, то китайская культурная традиция приписывает ему очень важную роль в познании действительности, при этом прежде всего имеется в виду философская категория У-син (五行, wǔxíng), предполагающая выделение пяти элементов Вселенной («вода», «дерево», «огонь», «металл», «почва»), которые постоянно взаимодействуют друг с другом и соотносятся с не только с явлениями природы, но и с физиологией человека. Сквозь призму этой пятичленной структуры интерпретируются важнейшие представления о внешнем и внутреннем мире, в связи с чем фразеологизмы с числительным 五 («пять») в китайском языке являются довольно многочисленными. В основе образной семантики данных единиц лежит числовой код, символика которого обусловлена знаниями о различных реалиях и их свойствах.

1. Многообразие: 五彩缤纷 (wucaibinfen) «разноцветный, многообразный», 五光十色 (wuguangshise) «разноцветный, пестрый, переливающийся всеми цветами радуги», 五色缤纷 (wusebinfen) «пестрый», 五颜六色 (wuyanliuse) «сверкающий всеми красками; разноцветный, пестрый», 五行八作 (wuhangbazuo) «различные (всевозможные) отрасли занятий»; 五花八门 (wuhuabamen) «1) разнообразный, всевозможный; разношерстный; разнородный; 2) изменчивый, непостоянный».

2. Множество, величина: 三番五次 (sanfanwuci) «неоднократно, повторно, снова и снова, на все лады, так и сяк»; 学富五车 (xuefuwuche) – букв. ‘наукою богат на целых пять возов’ (обр. «о большом ученом»); «[большое] скопление людей (населения) из разных мест

и разных племен»; 五谷丰登 (wugufengdeng) «небывалый, большой урожай».

3. Родо-видовые отношения: 五行 (wuxing) «пять стихий, пять элементов, пять превращений (в космогонии: земля, дерево, металл, огонь, вода)»; 五虫 (wuchong) «пять классов живых существ (люди, животные, птицы, рыбы и насекомые)»; 五方 (wufang) «зенит и страны света; все направления: восток, юг, запад, север и центр»; 五色 (wuse) «пять цветов (желтый, красный, синий, белый, черный)»; 五脏 «внутренние органы; внутренности (сердце, печень, селезенка, легкие, почки)»; 五体 (wuti) «мед. пять тканей»; 五劳 (wulao) «мед. заболевания внутренних органов (сердца, печени, селезенки, легких, почек) от переутомления»; 五味 (wuwei) «пять вкусовых ощущений (сладкое, кислое, горькое, острое, соленое)»; 五谷 (wugu) «пять основных продовольственных культур (обычно: рис, просо, ячмень, пшеница, бобы)»; 五荤 (wuhun) «пять острых овощей, которые не употребляются буддийскими монахами (черемша, чеснок, душистый лук, рута, кориандр или разные сорта лука и чеснока)»; 五音 (wuyin) «муз. пять ступеней гаммы (宫, 商, 角, 徵, 羽)»; 五经 (wujing) «Пятикнижие» конфуцианского канона: «Ицзин» (易经), «Шцзин» (书经), «Шицзин» (诗经), «Лицзи» (礼记), «Чуньцю» (春秋); 五伦 (wulun) «конф. основные нормы [человеческих] отношений (между государем и министром, отцом и сыном, старшим и младшим братьями, мужем и женой, между друзьями)»; 五福 (wufu) «полное счастье (долголетие, богатство, спокойствие, добродетель и кончина в преклонные годы)»; 五世 (wushi) «пять поколений» и т. д. Как можно заметить, внутренняя форма данных ФЕ актуализирует символические смыслы, связанные с представлениями о классификационной сущности числа пять, его способности устанавливать родо-видовые связи.

4. Символ императора: 九五之尊 (jiuwu-zhizun) «император». Говоря о числе пять как о наиболее часто встречающемся классификационном коде, нельзя не упомянуть о его связи с числом девять – знаком императора. Кроме того, пять и девять – это нечетные числа, соответствующие мужскому началу. В традиции китайской «Книги перемен» пятая девятка в гексаграмме 1 (Цянь – «Небо») обозначает летящего в небе дракона – императора. Девятью пять – сорок пять – соответствует магическому числу схемы Лошу (Лошу наряду с хэту представляют собой древнейшие магические

схемы, предназначенные для толкования символов «Книги перемен»). Таким образом, пять, как и девять, становится сакральным числом, олицетворяющим высшую власть [6].

В русском языке лексема *пять* употребляется в составе немногочисленных фразеологизмов, имеющих определенную коннотативную окраску и стилистическую прикрепленность. Так, во фразеологизме *знать как свои пять пальцев* («знать очень хорошо, досконально, основательно, подробно») образ связан с символикой не числового, а соматического кода: рука и пальцы на ней – то, что всегда перед глазами, хорошо известно. Аналогичный образ представлен и в китайской фразеологии: 伸手不见五指 (shenshou bujian wuzhi) (букв. 'вытянешь руку – пальцев не разглядишь') = *крошечная тьма, ни зги не видать*. В данном случае внутренняя форма фразеологизма также связана с отражением соматического кода культуры: хорошо знакомые пальцы на руке не видны, если очень темно. Устойчивое сочетание *как пятое колесо в телеге* (разг. неодобр. «ненужный, лишний, бесполезный в каком-либо деле»), вероятно, является заимствованием (ср. нем. *Das fünfte Rad am Wagen*) [4]. В русском языке представлены и другие ФЕ с аналогичным значением: *как собаке пятая нога нужен* прост. презр. «совсем, совершенно не (нужен)»; *пятая спица в колеснице* «о ком-, чем-л. совсем лишнем, ненужном». Фразеологизм *с пятого (пятое) на десятое* имеет несколько значений: «1) бессвязно, непоследовательно, пропуская подробности (рассказывать, сообщать, говорить и т. п.); 2) кое-как, беспорядочно, небрежно (делать что-л.); 3) кое-что, немного (слышать, знать, понимать)». Данный оборот, восходящий к числовому коду русской культуры, первоначально обозначал непоследовательность при счете, путаницу порядка расположения цифр и лишь затем стал наименованием бессвязного говорения.

Проведенный нами анализ русских и китайских фразеологизмов с количественными лексемами *два* – 二 и *пять* – 五 показал, что в сознании носителей данных языков закреплены как сходные, так и различные символические смыслы числового кода. При этом имена числительные, выступая как компоненты ФЕ, реализуют свои неколичественные значения, которые, как правило, соотносятся с абстрактными сферами. Например, внутренняя форма русских фразеологизмов с компонентом *два* связана с представлениями об очевид-

ности происходящего, быстроте объяснения чего-либо, простоте совершения какого-либо дела и т. д.

Особое место среди данных устойчивых оборотов занимают единицы, которые в экспрессивной форме отражают знания о тождестве предметов, их незначительном количестве, а также интенсивности проявления признака либо действия. Соответствующие китайские ФЕ с компонентом 无 имеют иную образную семантику: в ее основе лежат символические смыслы числа два, актуализирующие представления о диалектической взаимосвязи противоположностей, а также исключительном положении чего-либо.

Китайские нумеративные фразеологизмы с компонентом 五 («пять») в основном выражают значения, связанные с родо-видовыми отношениями предметов.

В целом можно сказать, что числительные 无 («два») и 五 («пять») в китайском языке обладают большим фразеобразующим потенциалом, чем их соответствия в русском языке. Кроме того, китайские фразеологизмы с числовым компонентом отличаются семантическим богатством, обозначая весьма широкий круг реалий мира. Вероятно, это объясняется неязыковыми факторами, прежде всего этнокультурными: в рамках китайской культуры числовому коду приписываются разнообразные образно-символические смыслы, связанные с философской, религиозной, социальной, бытовой и другими сферами. Это особенно заметно при обращении к фразеологизмам с компонентом 五 («пять»), которые фиксируют наивно-языковые представления о классифицирующей функции данного числа. Русские нумеративные фразеологизмы с компонентами *два* и *пять* не только уже по составу, но и характеризуются более однородной семантикой, при этом они, как правило, имеют отрицательную коннотацию.

В целом можно сказать, что лингвокультурологический потенциал числительных *два* – 无 и *пять* – 五, обусловленный важной ролью системы чисел в процессе концептуализации знаний о мире, предопределяет семантическую специфику фразеологизмов, компонентами которых они являются. Если иметь в виду образы, лежащие в основе внутренней формы русских и китайских нумеративных фразеологизмов, то их совпадения отмечаются нечасто, различия же обусловлены национально-культурными факторами и отражают специфику символизации числового кода в процессе познания действительности и закрепления

этих знаний в виде соответствующей картины мира.

Кроме того, данные единицы наглядно демонстрируют своеобразие связи числового кода с материальной и духовной жизнью народа – носителя языка, его мировосприятием и образом мышления. Можно полагать, что дальнейшее углубленное изучение заявленной проблематики будет способствовать выявлению и целостному описанию закономерностей отражения картины мира во фразеологических системах разнотипных языков.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.
2. Гизатуллина Л.Р. Нумерологические фразеологические единицы в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004.
3. Ди Яогунг, Киселева Л.А. Фразеологизмы с числовым компонентом в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 6(60). Ч. 2. С. 75–77.
4. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Опыт русской фразеологии. Свое и чужое. СПб., 1902–1903. Т. 1–2.
5. Пасечник Т.Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
6. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. М.: Яз. слав. культуры, 2004.
7. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008.
8. Хуан Цинхуа. Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 3. С. 138–144.
9. Цуй Хун Ень. Семантика наименований чисел в русском и китайском языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003.
10. Шакиров А.С. Семантико-типологический анализ нумеративных фразеологических единиц в разнотипных языках: дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1985.
11. 成语大词典. 商务国际出版社. 2013.
12. 新华成语词典第2版. 商务印书馆. 2015.
13. 林玉山. 中华成语大词典. 北京教育出版社. 2014.
14. 中华成语大词典. 江西教育出版社. 2014.

* * *

1. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij / otv. red. V.N. Telija. M.: AST-Press Kniga, 2006.

2. Gizatullina L.R. Numerologicheskie frazeologicheskie edinicy v anglijskom i tatarskom jazykah: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2004.

3. Di Jaoguang, Kiseleva L.A. Frazeologizmy s chislovym komponentom v russkom i kitajskom jazykah: lingvokul'turologicheskij aspekt // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 6(60). Ch. 2. S. 75–77.

4. Mihel'son M.I. Russkaja mysl' i rech'. Opyt russkoj frazeologii. Svoe i chuzhoe. SPb., 1902–1903. T. 1–2.

5. Pasechnik T.B. Lingvokul'turologicheskij analiz frazeologicheskikh edinic s chislovym komponentom v russkom jazyke v sopostavlenii s anglijskim: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.

6. Tan' Aoshuan. Kitajskaja kartina mira: Jazyk, kul'tura, mental'nost'. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2004.

7. Fedorov A.I. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: ok. 13000 frazeologicheskikh edinic. 3-e izd., ispr. M.: Astrel': AST, 2008.

8. Huan Cinhua. Simpatija i antipatija k chislam v russkoj i kitajskoj kul'turah // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2010. № 3. S. 138–144.

9. Cuj Hun En'. Semantika naimenovanij chisel v russkom i kitajskom jazykah: lingvokul'turologicheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2003.

10. Shakirov A.S. Semantiko-tipologicheskij analiz numerativnykh frazeologicheskikh edinic v raznosistemnykh jazykah: dis. ... kand. filol. nauk. Samarkand, 1985.

Representation of the symbolic meanings of the numerical code of culture in Russian and Chinese

The article considers the specificities of the figurative semantics of Russian and Chinese phraseological units with components two (二) and five (五). The authors observe that the internal form of the phraseological units in two languages reveals more differences than similarities, due to ethnocultural factors and, first and foremost, to the specifics of the symbolization of a numerical code in the course of conceiving the world. The numerals 二 and 五 in Chinese have a greater potential for forming phraseological units than their equivalents in Russian.

Key words: numerical phraseological units, numerical code, symbolism, figurative semantics, Russian, Chinese.

(Статья поступила в редакцию 21.02.2018)

ЦАО ЦЗЯЦИ

(Санкт-Петербург)

БЛОХА В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на фоне китайского языка)

Описываются общие и различающиеся установки культуры, отраженные в русских и китайских пословицах с компонентом «блоха». Для правильного восприятия пословиц и выявления установок культуры особое внимание уделяется исследованию ассоциативно-вербальных полей на стимул «блоха» в русском и китайском языках. Рассматриваются совпадающие и безэквивалентные лексикотематические группы ассоциатов в русском и китайском языковом сознании.

Ключевые слова: паремиологическое пространство, пословица, установка культуры, ассоциативный эксперимент, ассоциация, блоха.

Паремиологическое пространство (ПП) – это «система (А) пословиц, связанных различными типами отношений (ПП охватывает всю пословичную парадигматику и выходит за ее пределы), обнаруживающих разной степени общность и отличия на разных уровнях (лексическом, семантическом, синтаксическом), и единиц иного порядка – (Б) более дробных (“составляющих” паремий – общих формульных фрагментов, типично пословичной лексики, структурных моделей единиц) и (В) более обобщенных, “надпословичных” (паремийных конденсатов)» [7, с. 9]. Пословицы выступают как «кладезь народной мудрости», неписаный «кодекс поведения», «украшение речи». Пословицы являются сложным логическим, семиотическим целым, обладающим лексико-семантическими и структурными закономерностями [6, с. 5].

Для определения наиболее известных носителям русского и китайского языков насекомых нами был проведен письменный опрос. Информантам (студентам Санкт-Петербургского государственного университета) было предложено написать названия знакомых им насекомых. В опросе приняли участие 50 русских и 50 китайских респондентов. Блоха встретила в ответах русских респондентов только один раз, а в ответах китайских информантов 4 раза. Таким образом, по результатам проведенного опроса, наименование этого насекомого зани-